

Спустя два дня Чжуан Лань и А-Ли играли на деревянном мосту. Внезапно появился Цюаньцзы, и А-Ли в испуге отпрянул. Цюаньцзы не подошёл ближе, а лишь бросил к ногам Чжуан Лань бамбуковую вершу. Верша была новая, бамбук ещё отливал зеленцой. Чжуан Лань радостно подняла её, прижала к груди и воскликнула:

— Спасибо, брат Цюаньцзы!

Цюаньцзы не удостоил её ответом, лишь холодно развернулся и ушёл.

Чжуан Лань и А-Ли оба грезил о рыболовной верше. Получив одну, они попытались сделать как Цюаньцзы: закопали её в реке и прикрыли водорослями.

Толку не вышло. Они то и дело трогали вершу, заглядывали внутрь — не попалась ли рыбка или креветка? Естественно, ничего не попадалось.

Наигравшись в воде до самого вечера, Чжуан Лань взяла вершу и понесла домой. Во дворе Чжуан Ян подрезал камелии. Она подбежала к нему:

— Брат, брат Цюаньцзы подарил мне вершу!

Чжуан Ян взял изделие, осмотрел — сделано на совесть.

— «Дарят мне папайю — чем ответить должен я?»

— Дыней.

Чжуан Ян рассмеялся, присел и погладил сестру по голове:

— Цюаньцзы с матерью живут бедно. Можно отнести им немного риса.

Жили они через реку, но нельзя было оставаться в стороне. Дома риса хватало, помочь им было нетрудно.

Прошлой ночью прошёл дождь, и поутру трава блестела росой. Цюаньцзы, с бамбуковой корзиной за спиной, бродил по лесу в поисках грибов. Он собирал только знакомые, а незнакомые, даже если казались съедобными, не трогал. Хромому Вану, старому солдату из деревни Фэн, он был обязан многими знаниями, в том числе и о грибах.

Хромой Ван жил один, без жены и детей, на отшибе деревни Фэн. Из-за увечья он с трудом выращивал немного таро, а пропитание добывал в основном охотой и собирательством. Почему Ван стал хромым, Цюаньцзы не знал, но матушка Лю говорила, что раньше он был здоров. Ван опирался на деревянный посох — он заменял ему больную ногу. За долгие годы посох стал продолжением его тела. Порой он служил и оружием — им Ван отгонял ребятню, что норовила подразнить старика. Дети с визгом разбежались, но вскоре снова собирались у него за спиной.

Цюаньцзы знал, что дядя Ван — меткий стрелок. Те же ребяташки, что бегали за ним, никогда не видели его на охоте. Из-за ноги Ван не мог гоняться за дичью, подкарауливал её в засаде. Зайцы, фазаны, водоплавающие птицы — стрелял без промаха, с сотни шагов. Не будь у него этого умения, одинокий и бедный Хромой Ван давно бы сгинул с голоду.

Люди, отвергнутые миром, без родни, часто становятся странными. Ван не любил общения, но Цюаньцзы он выделял. Тот тоже любил навещать старика. Цюаньцзы обожал лук и стрелы, любил слушать рассказы Вана о солдатской жизни. Порой Ван вспоминал и об отце Цюаньцзы:

«Отец твой храбрецом был, всегда впереди. Солдаты его любили». Цюаньцзы в уме рисовал образ: высокий, могучий, в кожаных доспехах, с длинным мечом на поясе, с луком за спиной, скачущий на коне. «Вырасту — таким же буду», — думал он.

Цюаньцзы шевелил палкой траву по колению, пробираясь через чащу. Остановился у старого дерева, на пне заметил несколько грибов-вёшенок. Сорвал, положил в корзину, двинулся дальше.

Благодаря верше последние два дня удавалось наесться. Цюаньцзы знал: нельзя питаться одним и тем же. Нужна и рыба, и грибы, и побеги бамбука, и дикие травы, и хоть немного зерна. Жили они бедно, но скучно не было.

В лесах Западного берега людей почти не бывало, грибов было много. Зато хватало змей, ядовитых насекомых да колючек — приходилось быть настороже.

Вёшенок он собрал немного — быстро портятся, хватит на два раза. В основном он искал древесные грибы-муэр, набрал полкорзины. Муэр можно высушить и хранить долго.

Выйдя из леса, он вернулся домой. Вёшенки оставил на кухне — мать сварит грибную похлёбку. Сам же принялся сушить муэр. Разложил их на бамбуковом сите, выставил у двери. Пусть солнце да ветер делают своё дело. Через несколько дней можно будет убрать. Жаль, тут они гроша ломаного не стоят, а то бы продал.

Цюаньцзы думал не только о еде, но и о деньгах. Только годы ещё не те — в город не наездишься. Из деревенского добра разве что сушёные бамбуковые побеги можно в уезде продать, немного заработать.

Съев две миски грибной похлёбки, Цюаньцзы взял мотыгу и отправился к озеру расчищать участок под таро. Посадок у них было маловато — одно бобовое поле. На год не хватит.

Живя у дяди, Цюаньцзы вдоволь наработался в поле: и кур со свиньями кормил, и рис сажал, и бобы молотил, и зерно молот. И всё равно тётка была недовольна. Те горькие дни он считал наукой — хоть узнал, как землю обрабатывать.

Семян таро дома не было. Цюаньцзы решил сегодня участок расчистить, а завтра с матерью сходить в лавку семьи У — ткань продать, семена купить.

С тех пор как перебрались в Чжу, у Цюаньцзы не было ни одного дня без работы. Руки в ссадинах да мозолях, обмотаны тряпицами, а он всё землю копает.

Вот и это утро: корзину грибов собрал, у озера участок расчистил — дел переделал.

А во дворе семьи Чжуан к этому времени только начиналось оживление. Чжуан Ян, одевшись, вышел на галерею и с наслаждением взглянул на горы и воду вдаль. Взгляд его упал на Цюаньцзы, что копался на том берегу.

— Чжусунь, не балуй! Метлу не грызи!

Раздался звонкий голосок Чжуан Лань — она отчитывала тапирёнка, который норовил стащить метлу у служанки.

Чжуан Ян спустился, подозвал сестру, зашёл на кухню, взял большую деревянную чашу, насыпал доверху риса. Боясь, что по дороге рассыплется, уложил чашу в бамбуковую корзину и

прикрыл крышкой.

— А-Лань, отнеси этот рис Цюаньцзы. Скажи, что в благодарность за вчерашнюю вершу.

— Ладно!

Чжуан Лань подхватила корзину и побежала к реке. Чжусунь попытался последовать за ней, но Чжуан Ян подхватил его. Тапирёнок был мал, ножки короткие, да и смышлённостью не отличался — как бы в реку не свалился.

Большая чаша риса — не сказать чтобы много, но и не мало. После войны зерно дорогое.

Цюаньцзы работал у самой воды, когда увидел, что Чжуан Лань с корзиной приближается. Не обратил внимания, вытер пот со лба, продолжил копать.

— Брат Цюаньцзы, брат велел тебе рис отдать.

Цюаньцзы с недоумением посмотрел на девочку и на корзину в её руках. Какой ещё брат? Какой рис?

— Ты мне вершу сделал, а брат говорит: «Дарят папайю — я нефритом плачу». Это тебе рис в ответ.

Чжуан Лань, вчера получившая от брата наставление, уже запомнила строчку, хотя и не понимала, что такое «нефрит».

— А, — безразлично буркнул Цюаньцзы, опершись на мотыгу.

Чжуан Лань открыла корзину, вынула чашу с рисом и поставила на землю.

— Скажи своему брату, рис я просто так не беру. В долг. Одну шэн взял — одну и верну.

Цюаньцзы знал, что такая чаша риса стоит немало. Чужого брать не хотелось, но нужда была велика.

Чжуан Лань не стала вникать в его слова, поставила чашу и побежала обратно.

Цюаньцзы осторожно, чтобы не рассыпать, понёс чашу в дом. Давно они белого риса не ели. Теперь хоть кашу сварить.

Матушка Лю, увидев чашу в руках сына, отложила челнок и с изумлением спросила:

— Цюаньцзы, откуда рис?

Цюаньцзы улыбнулся:

— Мама, соседи с того берега прислали.

Матушка Лю не поверила ушам, потом насторожилась, велела вернуть.

— Мама, оставим. Потом отдадим.

Девочка говорила про брата. Цюаньцзы решил, что это тот самый спокойный юноша. На душе потеплело.

Никто и никогда им риса не дарил. Даже когда Цюаньцзы надрывался на дядином поле, в награду доставались лишь горсть гаоляна да бобов.

Под вечер они с матушкой Лю поели рисовой каши с жареной рыбой и грибами — редкая сытная трапеза.

На следующий день матушка Лю закончила ткань, и они с Цюаньцзы отправились в лавку семьи У. Продали ткань, выменяли на два доу бобов и полдоу чумизы, купили шёлковых ниток для ткацкого станка да семян таро. Денег не осталось ни гроша. И всё же на душе было легко: с провизией какое-то время можно было не тревожиться.

<http://bllate.org/book/15945/1425436>